

Eve Aurton

МАЛЫШКА

УДК 82-3
ББК 84-4

Aurton E.

Малышка / Eve Aurton – М.: Литнет, 2025. – 180 с.

ISBN 978-5-521-94052-3

— Ты принес долг? — при этих словах он как-то странно дергается, поводя плечом и позволяя увидеть нечто затравленное и несуразное, скрытое в мешковатой одежде и запуганном ожидании. Девчонка хватается за его предплечье и всего на секунду я вылавливаю ее дикий взгляд, застывший на мне всполохом серости.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94052-3

© Литнет, 2025
© E. Aurton, 2025

Глава 1

Она появляется незаметно, так, что я даже не обращаю внимания на нее, прижавшуюся к трясущемуся от страха и передозы прикурку, который под цепким взглядом охранников приближается к столу. Слишком близко, отчего я брезгливо морщусь и раздраженно вскрываю карты. Фортуна благоволит, и Нитон – единственный из оставшихся за партией игроков, ударяет кулаком по столу, признавая свой проигрыш.

Стрит флэш и пять штук в кармане.

– Прости, брат, – остаюсь совершенно невозмутимым и только после этого перевожу взгляд на нежданного гостя, который тут же опускает голову и, что-то мямля, показывает свои грязные пожелтевшие руки. Хочется достать ствол и выпустить в него пулю, чтобы вонь от немытого тела исчезла где-нибудь под кусками бетона, а посеревшее лицо с незаживающими язвами застыло в предсмертной агонии. – Ты принес долг? – при этих словах он как-то странно дергается, поводя плечом и позволяя увидеть нечто затравленное и несуразное, скрытое в мешковатой одежде и запуганном ожидании. Девчонка хватается за его предплечье и всего на секунду я вылавливаю ее диковатый взгляд, застывший на мне всполохом серости. Хмурюсь, не понимая, для чего он притащил мелкую, и, лениво закуривая сигарету, под смешки остальной компании, демонстративно достаю пистолет. Тянуть не имеет смысла, потому что, судя по его виду, последние деньги он спустил на дозаправку.

– У меня нет денег, мистер Сантини, но если вы позволите мне отыграться, то я отдам вам весь долг, до цента. Даю слово, – он говорит это заикаясь, пытаясь стряхнуть вцепившуюся в него руку девчонки и все-таки добиваясь этого грубым ударом. Сжимаю челюсти, слыша тихий всхлип, и выпускаю дым ровно в его лицо, из-за чего на мгновение он теряет меня из вида, а потом, когда дым рассеивается, натывается на уставившееся в его лоб дуло.

– Ты говоришь это каждый раз, но твой долг лишь увеличивает-ся. С меня хватит, признайся, я был добр к тебе, – и пока я говорю это, он успевает схватиться за плечо девчонки и толкнуть ее перед собой, трусливо используя как живой щит. Капюшон толстовки слетает с ее головы, и густые, черные как уголь волосы, тонкими нитями оплетают худые и грязные пальцы ублюдка, удерживающего ее на месте. Твою мать, таких испуганных и больших глаз я не видел за всю свою жизнь, и мне становится интересно, какое отношение она имеет к уроду, подсевшему не только на азартные игры, но и на наркотики.

– Это моя дочь, мистер Сантини, заберите ее и дайте мне шанс. Всего один, я отыграюсь, клянусь богом.

За плечами раздаются смешки и пошлые шутки друзей, присвистывающих в одобрении. Обалдеть, они думают, что я настолько отморожен? Нахрена мне малявка, которая даже трахаться не умеет. И будто читая мои мысли, он продолжает:

– Она уже взрослая, взрослая настолько, что может вам понравиться.

Симпатичная, не спорю, но все же предпочитаю что-то более ухоженное и зрелое.

– На колени, – скалюсь, жестом показывая убрать ее в сторону, но тут же недоуменно застываю, когда он толкает ее вперед, и девчонка, запинаясь, оказывается в моих руках. Самоконтроль вовремя удерживает от нажатия на курок, и выстрел застывает в плотке пистолета, на прицел которого она попадает. Блядь, не ожидал, но дрожащее от ужаса тельце не отпускаю. Она бледнеет, чуть ли не превращаясь в покойника, и закусывает нижнюю губу, глядя на меня обезумевшим взглядом.

Вблизи она красивее, да и мягкость груди, прижатой ко мне, доказывают его слова. Взрослая, вот только не настолько, чтобы я повелся.

Обхватываю ее за затылок и с силой прижимаю к себе, так, что-

бы она не смогла вырваться и оглянуться. Она не виновата, что ее папаша влип, и его смерть ее не касается. Выстрел – хлопком, тонкая струйка дыма и запах пороха: на секунду. Она вздрагивает в моих объятиях, сжимается, словно желая испариться, и рубашка на моей груди намокает от тихих слез. Она хотя бы понимает, по кому плачет? Он же продавать ее пришел, за каких-то семьсот баксов.

Мир гнилой, малышка, представляешь?

Держу ее крепко, пока ребята оттаскивают тело за дверь, и, отпуская, неловко запутываюсь пальцами в волосах. Длинные как змеи и гладкие как шелк.

– Проваливай, выход знаешь где, – наконец избавляюсь от плена волос и отворачиваюсь, лишь на мгновение взглянув в заплаканное лицо. Растерянность во взгляде. Непонимание. Почти паника. Не удивлюсь, если она вообще ничего не соображает.

– Вико, что за благородство? Девка сдаст нас с потрохами, – двоюродный брат всплескивает руками и переходит на итальянский, ища поддержки у остальных. Осекаю его одним лишь взглядом и напоминаю, кто здесь главный.

– Заткнись, она никому не расскажет.

Знаю, какую ответственность на себя беру, оставляя ее в живых.

Но я не убиваю невинных, только не детей.

Накидываю куртку, прячу в карман сигареты и, направляясь к выходу, хватаю застывшую малявку за капюшон. Она спотыкается, но послушно идет за мной, скорее всего пребывая в шоковом состоянии. – Ты не видела своего отца и понятия не имеешь, где он, поняла? Забудь, все что видела, – встряхиваю ее, чтобы привести в чувство, и, дождавшись кивка, иду дальше. Узкий коридор выводит нас на улицу, по щекам бьет холодный зимний ветер, перемешанный со снегом, и я наконец разжимаю пальцы, небрежным жестом показывая в сторону. – Иди, пока я не передумал. Если я узнаю, что ты все растрепала, устрою встречу с отцом.

Черт побери, какие же у нее большие глаза.

– Ты что не поняла меня? Про-ва-ли-вай.

Ни слова, ни звука. Надоедает, и я раздраженно сжимаю челюсти, когда до меня доходит, что нужно было вытолкнуть ее через официальный вход, потому что стоянка здесь закрытая, огороженная высоким металлическим забором и охраняемая пропускным пунктом. Мышь не проскользнет. Девчонка не проскользнет тоже, застрянет в руках охраны и по-любому попадет в беду. Морозный ветер пробирается под куртку, и я окидываю мелкую с ног до головы: тонкая толстовка, снятая с чужого плеча, кеды и закатанные по щиколотку спортивные, вряд ли защищающие от холода.

Он что притащил ее в этой одежде?

– Пошли, одну не выпускают, – не оборачиваясь, точно зная, что она не посмеет послушаться, и, выдыхая облако пара, дохожу до своей машины. Запах кожаного салона забивает легкие – под завязку, и я тянусь через сиденье, открывая дверь. – Три секунды. Раз, два, три... – садится, зажимается в угол и прячет руки между сжатых ног. Ее трясет, я слышу, как стучат ее зубы и как учатившееся дыхание наполняется полу-всхлипами. – Только без соплей.

Терпеть не могу слез.

Музыка громче и педаль газа. Машина скользит по стоянке и легко просачивается в открывшиеся ворота, а я вновь закуриваю, протягивая сигареты малышке, дернувшейся от меня как от прокаженного. Да ладно, неужели я страшнее папаши, который гнил изнутри под действием амфетамина? Бьюсь об заклад, он не одаривал ее родительской любовью и заботой. Откидываюсь на спинку сиденья и кошусь на притихшую вдруг девчонку – если бы была возможность, она наверняка бы выпрыгнула прямо на ходу – напряжена до скрежета, до судороги в каждой мышце.

– Сколько тебе лет? – Молчание, абсолютное и раздражающее. – Ладно, а имя у тебя есть? – блестящие глаза распахиваются еще шире, и с губ не слетает ни звука, пока я делаю музыку тише, думая, что она не расслышала. Она начинает бесить. Вывезти ее

из этого квартала и бросить в колючий холод. – Высажу тебя на 12-ой Авеню, до дома доберешься? – ответа не жду, просто вдавливаю педаль и съедаю секунды до нужной улицы. Торможу резко, молча опираюсь о руль и жду, когда она выйдет.

Просто. Нахрен. Выйдет.

– Помни о нашей страшной тайне, малышка. – Ее дрожащие пальцы нервно нажимают на ручку двери, и она смешивается с белой крошкой, набросившейся на нее с остервенением зверя. Стою на месте несколько минут, успевая сделать парочку звонков и находя в кармане завалявшиеся там презервативы – пригодятся, потому что остаток вечера намереваюсь провести с какой-нибудь девкой из своего клуба. Желательно более разговорчивой, чем та, которая недавно избежала больших проблем. Трогаюсь, медленно следуя вдоль тротуара, и буквально через несколько сот ярдов натыкаюсь на знакомую фигурку.

Девчонка сидит на скамье, под огромным желтым фонарем, и постепенно покрывается снегом.

Блядь, серьезно?.. Так не терпится отправиться вслед за папашей? Учитывая ее одежду, на дорогу до его нового дома хватит одного часа.

– Вставай немедленно, – она резко вскидывает голову, когда я появляюсь прямо перед ней, и дергается в сторону, надеясь увернуться от моей руки. Надо же, то есть холода она не боится. – Я сказал тебе идти домой, а не воображать из себя снежную королеву, – сжимаю худенькое предплечье, силой заталкивая в машину, и в бешенстве хлопаю дверцей. Я же дал ей шанс, шанс, который она безжалостно просирает. От меня веет откровенной злостью, когда я наконец сажусь в машину и, блокируя двери, поворачиваюсь к ней. – Еще не поздно отдать долг своего отца, так что сейчас я отвезу тебя назад, – при этих словах тонкие пальцы впиваются в рукав моей куртки, и малявка мотает головой, в отчаянии кусая бескровные губы.

Но, твою мать, продолжая молчать.

Крупные слезы скользят по бледным щекам, и я выдыхаю, пытаюсь совладать с яростью. Если она не скажет хоть слово, клянусь святым Франциском, я использую ее рот по другому назначению. Оттрахаю по самые гланды и научу говорить.

– Три секунды. Назови адрес своего дома. Раз, два, три... – обычно правило трех секунд срабатывает в первые две и неразговорчивые начинают болтать на семи языках, но только не в этом случае, потому что девчонка лишь открывает рот и показывает пальцем на губы, пока до меня не доходит: – Ты что, немая? – улыбаюсь, откидываясь назад и прикрывая лицо рукой. Идиот. Я мог бы понять это раньше, много-много раньше, когда в отличие от других она не умоляла ее не трогать. Просто хлопала своими глазищами и безропотно ждала моего решения. – Хорошо. Мне нужно пару минут, – набираю номер Луиджи, в нескольких словах объясняю, что мне надо, и жду ответа, краем глаза наблюдая за малышкой. Она упрямо смотрит перед собой, перебирая пальцами ткань толстовки и иногда шмыгая носом. Нет, точно не больше шестнадцати.

Слишком чиста для прожженной жизнью.

В трубке раздается монотонный голос, и я постепенно охуеваю.

Будь ее папаша жив, я бы убивал его медленно. Медленно и очень мучительно. Раз за разом. Вновь и вновь.

У мелкой нет адреса, потому что нет дома. Буквально с сегодняшнего утра.

Мозги вскипают от все этой слезливой мелодрамы, но отступать уже поздно: что-то внутри сломалось.

– Есть хочется, надеюсь, готовить ты умеешь.

Глава 2

Фато появляется из темноты издавая глухое рычание, недовольно принюхиваясь к чужому запаху и раболепно заглядывая в глаза, когда я поднимаю ладонь, жестом приказывая остаться на месте. Он мнет лапы на лапу, борется с инстинктами, но все же садится, признавая мою власть. Только тогда я поворачиваюсь к малявке и, показывая на пса, объясняю:

– Особенность этой породы в том, что они признают лишь одного хозяина. Не пробуй с ним подружиться. Его кличка «Фато». Хотя тебе это не пригодится, – дополняю уже тише и, включая по дороге свет, скидываю куртку. Растаявший снег скользит по вискам, шее, пробирается под ворот рубашки и я представляю, каково сейчас девчонке в своей тонкой толстовке. Ее тихие шаги раздаются за спиной, а потом заглушаются громким цоканьем когтей Фато, который, знаю, будет следить за каждым ее движением. Если у нее хватит мозгов, то она не будет его провоцировать, а вот если не хватит – столкнется с проблемой, которая разорвет ее на куски. – Ид и за мной, – киваю в сторону и, проходя просторную гостиную, достигаю не менее просторной кухни.

Что поделать, люблю большие пространства.

– Продукты найдешь в холодильнике, туалет есть внизу, справа от лестницы, и наверху, почти в каждой комнате. Выберешь себе любую, кроме той, что в самом конце коридора. Она моя. Переночуешь у меня, а завтра посмотрим, – не посмотрим, потому что я совершенно не знаю, что делать: либо попытаться найти ее родственников, используя связи в полиции и Луиджи, либо сдать в департамент защиты детей, чтобы ее куда-нибудь пристроили. Так или иначе на это потребуется несколько дней. Потерпит, если не хочет ночевать на улице.

– Напиши свое имя. И возраст.

Она смотрит на меня с видимой опаской и несмело подходит к столу, когда я кидаю на него блокнот и ручку. Ее руки трясутся в такт дрожащему телу, и малышка старательно выводит буквы, удивляя меня каллиграфическим почерком.

Хана. Типичное американское имя. И да, она не ребенок, хоть и выглядит на пятнадцать.

— Что ж, Хана, удиви меня своими кулинарными способностями, у тебя есть время пока я принимаю душ. И сними с себя эту тряпку, сейчас же, — показываю пальцем на ее верхнюю одежду и отворачиваюсь к холодильнику, чтобы взять бутылочку пива. В моем голосе не звучит недовольства или строгости, но когда я поворачиваюсь обратно, бутылка чуть не выпадает из рук от неожиданности.

Какого хера?

Она стоит скрестив на груди руки, обнаженная по пояс и дрожащая как осиновый лист. Замечаю каждую деталь: от мурашек, покрывших кожу, до синяков на шее, оставшихся скорее всего... не может быть. Блядь, ну не настолько же ее папаша изверг. Хмурюсь, чувствуя, как внутри вскипает злость, и медленно, не делая резких движений, подхожу к малявке, глаза которой расширяются по мере моего приближения. Чего она боится? Что вот сейчас, отбросив свои принципы, я начну ее насиловать? Или затяну удавку, как это делал ее отец? Осторожно убираю волосы с шеи и, рассматривая ровную линию натертой кожи, сжимаю челюсти. Второй раз, второй раз за вечер я жалею о том, что так милосердно его убил.

Или стоп, она могла это сделать сама.

— Кто это сделал? Ты? — едва касаюсь ее шеи пальцами и стараюсь смотреть ровно в ее глаза. Ни в коем случае не ниже. Хана мотает головой и еще плотнее прижимает руки к груди. Теперь понятно, почему она не сокрушается о смерти папаши. Не хочу копать глубже и втягиваться в проблемы ее ненормальной семейки, поэтому больше ни о чем не спрашиваю, просто опускаю руку и пару секунд смотрю в по-детски миловидное лицо.